

Весна

1 марта 1942 г.

Первый день весны. На Южном берегу снег растаял, появилась травка, начали набухать почки на деревьях. Пройдет неделя-другая, и там зацветут сады, зазеленеет лес... А у нас в горах, на высоте тысяча метров над уровнем моря погода стоит мерзкая. Далеко просматривается оголенный лес, негде укрыться от глаз противника. Только горы по-прежнему защищают нас.

После того как Мокроусов познакомился с командным составом отрядов, я доложил ему итоги четырехмесячной борьбы партизан второго района против оккупантов. Вместе с Алексеем Васильевичем и его помощниками наметили боевые задачи на ближайшее время. Помощь Центрального штаба в этом деле была просто необходима: обстановка, в которой мы действовали, усложнилась

с каждым днем. Мы располагали точными сведениями о новых планах противника по уничтожению партизан, знали о его решении любой ценой намертво заблокировать лес. После неудачной попытки покончить с партизанами оккупанты решили изменить тактику, сделать ставку на подрыв партизанского движения изнутри, пустить в ход разветвленную сеть тайной агентуры. Как ни хитрит гестапо, наши разведчики, опытные чекисты Илья Харченко, Халиль Кадыев, Иван Давидкин, Али Ибраимов, Василий Трафедлюк, Кузьма Тютюрев с помощью населения успешно разоблачают и вовремя обезвреживают вражеских лазутчиков и шпионов. Однако оккупанты упорно продолжают засылать своих агентов...

Сегодня принята радиограмма Военного совета фронта и Крымского обкома партии, адресованная всем партизанам Крыма: *Страна, партия, весь советский народ не забудут ваши имена и вашу героическую борьбу в тылу врага. Держитесь стойко. Вместе с фронтом боритесь за освобождение советского Крыма от фашистской нечисти.*

Текст этой радиограммы разослан во все отряды. Настроение у людей бодрое, боевое.

3 марта

А все же оккупантам удалось провести нас. Впредь будем умней. Произошло вот что. Противнику потребовалось перегнать большую автоколонну с войсками и боевой техникой из Ялты, Алушты, Карасубазара, минуя Симферополь. Чтобы отвлечь внимание партизан от соседней дороги Ускут — Карасубазар, враг вначале обстрелял Скирду и Сахарную головку, где находился лагерь Ичкинского отряда, а затем бросил против партизан Михаила Чуба две роты своих солдат. Пока ичкинцы вели бой, фашисты спокойно перегнали по шоссе около ста грузовиков. Мы разобрались во всем, когда уже было поздно...

4 марта

Быстро мужают в боях наши люди. Молодой лейтенант пограничных войск Владимир Опекунов совсем недавно был назначен командиром группы в Колайском отряде. Сейчас его группа — одна из лучших в районе. Вот и сегодня опять отличились партизаны Опекунова: уничто-

жили на ускутской дороге шестнадцать вражеских солдат и одного офицера, не потеряв ни одного человека.

Я был в отряде, когда Опекунов докладывал о выполнении задания, и с удовольствием дал ему рекомендацию в партию. Такими вот партизанами и пополняются партийные организации отрядов. А людей, подобных Владимиру Опекунову, у нас много...

Запасы наши иссякли. Единственный выход — с оружием в руках добывать продовольствие у противника. Посоветовавшись с Поповым и Лобовым, издали приказ по штабу района. Во всех отрядах ввели норму выдачи муки на бойца. Отряд Селихова будут обеспечивать мукой карасубазарцы, отряд Городовикова — джанкойцы, отряды Куракова и Чуба — колайцы, сейтлерцев прикрепили к Зуйскому отряду. Выпекать хлеб приказано с обязательным добавлением в тесто 15—20 процентов картофеля.

20 февраля отряды первого района вернулись на свои базы, — сообщил запиской начальник первого района Иван Степанович Мокроус. — В нашем распоряжении оказалось всего-навсего 10 мешков муки. За счет их все отряды и жили эти дни. До 1 марта все съели. Принял решение перебазироваться в Старокрымские леса, где еще остались небольшие продовольственные базы. Думаю, что их хватит кое-как прокормить людей до 20—25 марта. Потом придется переходить «на подножный корм»...

Состоялось совещание в Центральном штабе. Решено всем разойтись по отрядам. Мы с С. В. Мартыновым отправились к карасубазарцам.

По дороге Серафим Владимирович рассказал, что в 1935—1938 годах был секретарем Ялтинского райкома партии, а с конца 1938 года — секретарем Симферопольского горкома.

25 октября 1941 года бюро обкома партии утвердило его комиссаром Центрального штаба. В ночь на 1 ноября он покинул Симферополь и вместе со штабом обосновался на горе Черной в лесах Крымского заповедника. В декабре гитлеровцы бросили против них около двух дивизий. Центральному штабу удалось выскользнуть из окружения. На несколько дней, пока не установили связь с отрядами, устроились в Бешуе.

— Ну а дальнейшее вы знаете не хуже меня, — закончил Мартынов.

Тепло встретили нас в Карасубазарском отряде. Как

раз перед нашим появлением туда пришли несколько крестьян из деревни Кабурчак. Были среди них и очень пожилые люди Богданов и Тупович.

— Жить при «новом порядке» невтерпеж. Пока живы, будем мстить окаянным... Не смотрите, что мы в годах. Пригодимся еще партизанам. Только возьмите к себе.

Просьбу жителей Кабурчака уважили...

Командный и политический состав собрался в штабной землянке. Доклад о политико-моральном состоянии и боевых делах отряда сделал капитан Мильто. Его дополнили комиссар Петр Васильевич Кюманский и начальник штаба старший лейтенант Семен Самойлович Зарецкий. Из выступления товарищей было ясно, что моральное состояние партизан хорошее, дисциплина крепкая, боеспособность высокая. Прекрасное впечатление произвели на нас старшие лейтенанты Ивановский и Павловский, лейтенанты Жуков, Кривобок, Березнюк, Татаринев, Бурдонас.

8 марта

Сегодня Международный женский праздник. Как ни тягостно в лесу, славные партизанки чувствуют себя именинницами. Им, нашим дорогим подругам и боевым помощницам, есть чем гордиться: они достойно защищают Родину. Вот, к примеру, комсомолка Галина Ивановна Леонова. До войны она работала медицинской сестрой. В числе первых добровольно вступила в Ичкинский партизанский отряд. Стала вторым номером пулеметного расчета. Участвовала во всех стычках с оккупантами.

Екатерина Николаевна Камардина до ухода в лес была секретарем Зуйского райкома комсомола. В партизанском отряде ведет большую политико-воспитательную работу среди молодежи, своим примером увлекает людей за собой. В последнее время Камардина действует главным образом как разведчица и прекрасно проявила себя. Девушка обладает незаурядной смелостью, выдержкой, находчивостью. Без всяких документов ей удается пробираться в Сарабуз, Джанкой и другие важные пункты и добывать очень нужные данные о противнике.

Фельдшер Зылха Алиева вступила в Карасубазарский отряд в ноябре 1941 года. Эта маленькая, невзрачная на первый взгляд девушка оказалась удивительно сильной, выносливой и работоспособной. Она и сама участвует в

боях и умело оказывает помощь раненым. С большим уважением и благодарностью отзываются о Зылхе партизаны.

Вера Васильевна Загоскина, в прошлом секретарь Ичкинского райисполкома, чтобы стать партизанкой, пошла на разлуку с пятилетним сынишкой. Самых теплых слов заслуживают партизанки Меланья Васильевна Турлакова, Анастасия Васильевна Тимошенко, Анна Ильинична Якимович, Вера Георгиевна Широ, Вера Тихоновна Чебанова, Матрена Осиповна Щербина, Екатерина Петровна Рюмшина и многие другие прекрасные патриотки.

10 марта

Целую неделю военнопленные и мобилизованные местные жители под усиленной охраной вражеских солдат вырубали лес, устраивая завалы вдоль дорог Симферополь — Алушта, Симферополь — Феодосия, Карасубазар — Ускут, Салы — Судак. Но и эта очередная затея, направленная против партизан, не помогла оккупантам.

Вчера утром группы Карасубазарского, Джанкойского, Ичкинского и Колайского отрядов устроили засады на феодосийской и ускутской дорогах, как раз на месте вырубок. Сожжено несколько машин. Убито более десяти вражеских солдат.

Группа капитана Юрьева в составе Александра Лукина, Яши Саковича и Михаила Рогова ночью заминировала дорогу Алушта — Судак, взорвала только что восстановленный мост у Семидворья.

Сегодня по приказу Мокроусова проведено слияние Ичкинского и Колайского отрядов. Командиром объединенного отряда назначен Михаил Чуб, комиссаром — Владимир Полянский, начальником штаба — Иван Губарев...

Шахматисты говорят: лучше десять раз обдумать очередной ход, чем один раз допустить ошибку и получить мат. Это правило в полной мере относится к нам. Лучше лишний раз организовать разведку, чем, не зная противника, броситься в бой и потерпеть неудачу. Командование Зуйского отряда не сочло нужным придерживаться этого правила и без достаточной подготовки напало на вражеский гарнизон в Баксане. А надо сказать, что еще в феврале три наших отряда уже делали безуспешную попытку захватить Баксан. Неделю назад Зуйский, Биюкский и Сейтлерский отряды снова получили задачу овладеть Бак-

саном. Общее руководство возлагалось на командира Зуйского отряда капитана Ларина.

Вчера утром операция опять сорвалась, наши товарищи повторили те же ошибки, что и в феврале.

Налет на Баксан планировался на 9 марта. На подготовку отводилась неделя. Срок вполне достаточный, чтобы подробно ознакомиться с обстановкой, собрать данные разведки о противнике и составить подробный план операции. Однако командиры отрядов проявили непростительную беспечность: игнорировали разведку, вступили в бой, ничего не зная о противнике. Каждый отряд действовал на свой страх и риск, а сейтлерцы и биюкчане вообще опоздали к началу операции. Задание Центрального штаба было сорвано. В бою погиб бывший командир Зуйского отряда Андрей Антонович Литвиненко, замечательный человек и большевик.

11 марта

Медицинское обслуживание партизан второго района осуществляют три врача, два фельдшера, семь медицинских сестер. Работают медики самоотверженно, но им очень трудно. Сегодня впервые пригласили всех в штаб. Главный врач Яков Рубан доложил о состоянии медицинского обслуживания партизан.

12 марта

К нам прибыл начальник разведки Центрального штаба Иван Николаевич Казаков. Собрали начальников разведки отрядов. Доклад о борьбе с вражеской агентурой и усилении нашей разведки в стане противника сделал Николай Ефимович Касьянов.

За последнее время резко активизировало деятельность гестапо. Оно усиленно насаждает свою агентуру в близлежащих деревнях, все чаще пытается засылать к нам своих разведчиков и диверсантов. Дважды были предотвращены готовившиеся покушения на командующего партизанским движением Крыма Алексея Васильевича Мокроусова.

Товарищи рассказали много любопытного из опыта своей работы. Армия наших разведчиков растет с каждым днем. В тягчайших условиях добывают они важные

сведения о противнике. Кое-кто из разведчиков проник в самое логово врага. Героически работают в глубоком подполье Мирон Чернышев, Михаил Голованев, Илья Чернышев, Аксинья Пояркова, Михаил Босов, Иван Липиев, Семен Поярков, Степан Липиев, Григорий Долгополов, Яков Кривошеев.

13 марта

Терентий Яковлевич Черней до войны много лет был председателем Караджинского сельсовета в Джанкойском районе. В конце октября 1941 года он вместе с сыном вступил в партизанский отряд. Терентий Яковлевич быстро освоился в лесу и стал активным участником боевых операций. Особенно он отличился во время захвата деревень Чермалык, Бешуй, Соллар, Капырликой.

22 января 1942 года во время налета на вражеский гарнизон в Суук-Су Терентий Яковлевич был ранен в обе ноги. Мы оставили раненого в санитарной землянке Судакского отряда.

15 февраля на лагерь отряда внезапно напали фашисты. Завязался неравный бой. Партизанам не удалось задержать противника: гитлеровцы вели огонь уже недалеко от санитарной землянки.

— Наши отходят, — сказал Черней лежавшему рядом десантнику лейтенанту Илье Ивановичу Гончарову. — Здесь оставаться нельзя. Прикончат фашисты...

— Но мы не можем ходить.

— Поползем...

Через минуту оба выбрались из землянки. В лесу бушевал снежный буран, но раненые упорно ползли вперед. На рассвете до них донеслось бляенное овец.

— Деревня, — обрадовался Гончаров.

— Это Арталан, — разочарованно сказал Черней. — Там гарнизон. Туда хода нет...

Через пять суток на раненых наткнулась молодая женщина. Сказала, что ее зовут Фатма и пообещала принести вечером продуктов. Обещание женщина выполнила: пришла вместе с мужем, принесла хлеба и крынку молока.

Через пять дней Фатма появилась опять. Передавая узелок с пищей, сказала: «В деревне полно врагов. Везде часовые. Боялась следы оставить и вас выдать. Приду через день».

Ушла и больше не появлялась.

Продукты кончились. Черней и Гончаров стали есть мох, кору деревьев. Они вконец обессилели. Лейтенант, не выдержав, застрелился. Произошло это на двадцать вторые сутки после того, как раненые уползли из лагеря. Терентий Яковлевич остался один.

Через два дня Чернея обнаружила партизанская разведка. Его на руках принесли в деревню Чермалык, а отсюда отправили в лагерь Джанкойского отряда. Медсестра Ира Клименко и врач Яша Рубан делали все, чтобы спасти больного.

Сегодня утром я навестил Терентия Яковлевича и не узнал его: на койке лежал скелет, обтянутый кожей. Больной был в сознании. С трудом шевеля запекшимися губами, он едва слышно говорил о перенесенных страданиях, просил отблагодарить Фатму и ее мужа.

Я был потрясен тем, что услышал. Едва сдерживая слезы, попрощался с Терентием Яковлевичем. А через несколько часов его не стало.

Только человек большевистской закалки мог выдержать то, что перенес Черней. Ничто не сломило железной воли коммуниста. До последнего вдоха он оставался верным солдатом Отчизны. Память о нем мы сохраним на всю жизнь.

14 марта

Сегодня Мокроусов отправил Петю Помощника, Есю Певзнера и Анатолия Смирнова на связь с третьим районом.

Примерно через час после ухода связанных началась сильная стрельба в районе лесничества Верхний Кокасан.

Оказалось, связанные наткнулись на две большие группы неприятеля, который скрытно двигался в район расположения отрядов Чуба и Куракова. Старший группы Петр Помощник, только на днях принятый кандидатом в члены партии, направил к нам с донесением Смирнова, а сам с Певзнером открыл огонь по врагу. Своими действиями связанные сорвали намерение оккупантов внезапно напасть на партизан.

Бросалось в глаза, что на этот раз противник изменил обычную тактику: теперь он действовал отдельными группами, которые вступали в стычки независимо от остальных, создавая множество очагов борьбы.

Бой продолжался весь день. Оккупанты стремились нанести главный удар Ичкинскому и Джанкойскому отрядам, чтобы овладеть горами Скирда и Аю-Кая. Партизаны стойко оборонялись и своих позиций не оставили.

К вечеру атаки неприятеля прекратились, но он не ушел из леса. Видимо, завтра все повторится сначала.

На оперативном совещании в штабе района командиры доложили о высоком боевом духе личного состава. И это несмотря на то, что плохо с питанием, не хватает патронов, мин, гранат.

Противнику нанесен серьезный урон. Только убитыми он потерял около двухсот солдат и офицеров. Наши потери во много раз меньше: у ичкинцев убито шесть человек и ранены двое, джанкойцы потеряли в бою двух партизан. Тяжело ранен командир Карасубазарского отряда Николай Дмитриевич Мильто.

15 марта

Ночью, пока основная масса наших людей отдыхала, мелкие группы партизан непрерывно тревожили неприятеля.

Я был в землянке у Ващенко на горе Скирда, когда часов в шесть утра зашел только что возвратившийся с задания молодой партизан Иван Стеблянко.

— Погода люрует, — сказал он, снимая заиндевелую шапку. — Что за весна? Просто не узнаю солнечного Крыма. Опять навалило снега по колено, да и мороз не идет на убыль... Трудновато в такую пору в нашей обуви и одежке... Одно утешение: фашистам тоже не сладко... Не дали мы этим гадам погреться у костров...

Стеблянко умолк на полуслове. На лес обрушился шквал артиллерийского и минометного огня. Интенсивная стрельба длилась минут сорок. Потом все стихло. Но вскоре заработали наши пулеметы, минометы, автоматы, винтовки. Ударил взрывы гранат.

Первую атаку противник предпринял в направлении Аю-Кая. Не добившись успеха, он бросил все силы на Берлюк. Однако и тут немцам не удалось реализовать свое численное превосходство.

Вскоре после полудня мы с Мокроусовым поднялись на гору Среднюю и, оглядевшись, убедились, что гитлеровцам не удалось взять в кольцо наши отряды. На душе

у обоих стало легче. Теперь бы только продержаться до темна!

Во второй половине дня бой разгорелся с новой силой, но мы отбили все атаки противника на Берлюк.

Часов в пять вечера меня вызвал Мокроусов:

— Майор Селихов считает, что надо переходить в другой район. Ваше мнение?

Стали совещаться. Мокроусов принял решение всем отрядам двинуться в Зуйские леса. Я уже собирался уходить, когда появился связной Джанкойского отряда с запиской от начальника штаба Сизаса: *В разгар боя одна из вражеских мин разорвалась на командном пункте, где находились командир и комиссар отряда. Рюмшин и Клеветов убиты.*

Два дня Иван Павлович Рюмшин и Петр Николаевич Клеветов руководили обороной Берлюка. Благодаря им Берлюк остался в наших руках. Теперь Рюмшин и Клеветов погибли. Нет больше с нами двух замечательных коммунистов, бесстрашных партизанских вожakov.

16 марта

Вот и началось наше «великое переселение»... В путь тронулись уже за полночь. Все отряды вытянулись в одну колонну. Отряд Городовикова в голове, джанкойцы — в хвосте. В середине ходячие больные и раненые (тяжелораненых оставили в засекреченной санитарной землянке). С нами женщины, дети и старики, пришедшие из деревень. Темно так, что в двух шагах не видно ни зги. Чтобы не сбиться с пути, привязали на спину впереди идущих товарищей белые куски парашютного шелка.

Двигались очень осторожно, и все же многие спотыкались, падали, даже срывались в обрыв. Особенно тяжело стало к утру.

Шоссеиную дорогу Карасубазар — Ускут мы рассчитывали пересечь на рассвете, но приблизились к ней, когда было совсем светло. Головной отряд уже проскочил, мы начали было переправлять раненых, как вдруг со стороны Ускута появилась из-за поворота группа вражеских солдат. Чуб немедленно выслал заслон, но все обошлось благополучно: гитлеровцы повернули обратно.

Перейдя шоссе, мы долго возились, пока нашли «просветы» и пробрались через широкую полосу поваленного

леса. Наконец начался подъем на высокую гору. К концу дня мы с невероятным трудом достигли лагеря Колайского отряда. Больных, раненых, женщин, стариков и детей разместили в землянках. Здесь же у колайцев решили оставить Ичкинский, Джанкойский отряды и партизан Куракова. Остальные отряды, штаб района и Центральный штаб с наступлением темноты будут продолжать переход в Зуйские леса.

17 марта

За ночь нам предстояло пройти около двадцати километров по камням и бездорожью Караби-яйлы. Мокроусов со своим штабом и комендантской командой взял направление в сторону горы Кара-Тау. Мы же пошли напрямую по Караби-яйле. Это позволяло резко сократить расстояние до реки Суат, где в лесах дислоцируются Зуйский, Сейтлерский и Биюкский отряды.

Я шагал в центре колонны рядом с Савелием Васильевичем Ващенко. На шее у него, как и у многих, висел на ремне автомат. Савелий Васильевич был необычно грустный, с тоской говорил о жене и детях, которых очень любил. И тут случилось непоправимое. Мы переходили покрытую снегом лыдину. Ващенко поскользнулся и упал. Автомат ударился о землю. Грянул выстрел. Мы зажгли фонарь и увидели, что у Савелия Васильевича снесена часть черепа. Товарищи понесли его обратно, в Колайский лагерь, хотя отлично понимали, что Ващенко не жилец на этом свете... Мы потеряли чудесного товарища и замечательного командира. А время и обстоятельства немолимо гнали нас дальше. За ночь необходимо было пройти Караби-яйлу: мы двигались между вражескими заставами. Неожиданно колонна вышла на дорожку, и партизаны решили, что наконец выбрались из проклятых камней. Но мне почему-то показалось, что мы идем не туда, куда надо. Передал по цепи команду. Голова колонны остановилась. Ко мне подошли проводники — коммунист Юра Гаркавенко, комсомольцы Толя Шишкин и Ваня Кузьмин.

— По-моему, эта дорожка ведет в Казанлык, — неуверенно сказал я. — Там полно оккупантов.

— Мы же еще не проходили метеостанцию, — возразил Гаркавенко.

— Вот и поищем ее, — предложил я.

Свернули влево и действительно не далее, чем в пятистах метрах обнаружили развалины метеостанции. Вовремя, выходит, спохватились, иначе здорово подвела бы нас ночная тьма. Послав Шишкина и Кузьмина за колонной, я с Гаркавенко остался на месте, ожидая подхода людей. Разместить 750 человек все равно было негде, но партизанам необходима была передышка. Вот и решили сделать короткий привал. Перед самым рассветом тронулись дальше.

Вскоре меня окружила группа бойцов.

— Далеко еще до Суата, Иван Гаврилович?

— Километра четыре, — не задумываясь, ответил я, хотя знал, что говорю неправду. Я понимал, в каком состоянии находились люди, и не мог ответить иначе.

После рассвета ко мне подошли те же бойцы и с укоризной сказали: «Что-то длинные очень оказались ваши километры, Иван Гаврилович...»

— Километры нормальные. А вот ноги у нас от усталости стали короче...

В десять утра «форсировали» Суат и вошли в лес.

Под вечер к нам присоединился Мокроусов со своим штабом. Его разведка напоролась на вражескую заставу. Судьба разведчиков Михаила Михеенко и Федора Боцмана неизвестна. Алексей Васильевич очень обеспокоен этим.

18 марта

Всех наших людей разместили в землянках Зуйского, Биюкского и Сейтлерского отрядов. Из-за тесноты спали сидя. Но тревожит не это. В тесноте, как говорится, да не в обиде. Важно другое. С нашим появлением в Тиркенских лесах собралось свыше тысячи человек. Такое скопление партизан на небольшом участке может принести немало бед. Вот почему решили дать людям пару дней отдыха, а затем — снова в путь.

Возникла и другая проблема: питание. Зуяне и биючане хорошо принимали партизан с горы Средней, делятся последним куском, но у них самих запасы ограничены. Поэтому каждый лишний день нашей задержки нежелателен.

Мокроусов дважды радировал в штаб фронта: *Горах Тирке находится свыше тысячи партизан. Продуктов нет. Прошу немедленно парашютами сбросить просоленных сухарей и других продуктов... Прошу прислать любой тип*

самолета. Площадках, указанных Геновым, прием обеспечим. Заранее радируйте...

Сегодня пришли связные Ичкинско-Колайского отряда коммунист Александр Харитонович Скибида и комсомолец Абрам Бальшин. Они доставили письмо от Чуба. Скибида доложил также, что в их санитарную землянку вчера привели раненого Мишу Михеенко. Это сообщение очень заинтересовало не только Алексея Васильевича, но и меня. Несколько дней назад я долго беседовал с Михеенко, прежде чем дал ему рекомендацию в партию. Он рассказал о своем прошлом, поделился планами на будущее...

В тридцатых годах Яша Михеенко * был беспризорником. Мальчика подобрали комсомольцы, определили в школу-интернат. Под благотворным влиянием коллектива бывший беспризорник вырос честным, трудолюбивым человеком.

После службы в армии он стал инструктором физкультуры спортобщества «Динамо» в Симферополе, а все свободное время отдавал борьбе с детской безнадзорностью. Осенью 1941 года Михеенко пришел к партизанам. Вскоре его зачислили в комендантскую группу при Центральном штабе. Он стал связным и разведчиком. Вот тут-то и пригодилась парню спортивная закалка.

Когда в конце февраля Центральный штаб перешел к нам на Среднюю, я почти ежедневно видел Михеенко и проникался к нему все большим уважением. В начале марта Мишу вместе с другими комсомольцами единогласно приняли в партию...

Мы с Мокроусовым попросили Александра Харитоновича Скибиду подробно передать все, что он слышал от Михеенко, и вот что узнали. Получив задание, Бодман и Михеенко спустились с горы, вышли из лесу и стали осторожно продвигаться по открытой Караби. Разведчики благополучно перешли улузеньскую дорогу. До лесочка перед Суатом оставалось около двухсот метров, и они уже считали, что опасная зона пройдена. Но в лесу оказалась засада, оккупанты открыли огонь. Как подкошенный, рухнул на землю Федор Бодман. Когда Михеенко удалось подползти к товарищу, тот едва дышал. Слабеющими ру-

ками он передал Михаилу планшет с пакетом штаба, сказал: «Беги!» — и умолк навсегда.

Солдаты противника перестали стрелять, очевидно, решили захватить Михеенко живым. А он вскочил и побежал, но не в сторону Кара-Тау, а левее, в направлении метеостанции, где находился со своим отрядом Чуб. Разведчик знал, что от своих его отделяют полтора десятка километров, но изменить маршрута не мог: надо было любой ценой отвлечь внимание от места, где находился Центральный штаб. Оккупанты начали погоню, но быстро поняли, что им не догнать партизана. Тогда они открыли яростный огонь. Михаила ранило сначала в плечо, потом в ногу. Но лес уже был рядом. Разведчик сделал последний рывок и, обессиленный, упал. Здесь его и подобрали ичкинцы.

19 марта

Начальники третьего и четвертого районов прислали Мокроусову донесения о бедственном положении с продовольствием. Начальник пятого района Владимир Васильевич Красников сообщил: *В середине января 1942 года у нас кончились все запасы продуктов. Попытки установить связь с соседними деревнями и организованно приобрести продукты результатов не дали, так как население само испытывает продовольственные трудности. Достать продуктов негде. Сотни наших товарищей обречены на голодную смерть. Прошу вас оказать немедленную помощь.*

Прочитав донесения, Мокроусов передал их мне.

— Надо помочь, — сказал он. — Какие имеются возможности?

— У нас, Алексей Васильевич, с продовольствием не лучше... Норму хлеба урезали до 250 граммов. Некоторые получают и того меньше. Возьмите хотя бы сейтлерцев. Комиссар отряда Михаил Иванович Пузакин на днях написал мне, что у них осталось всего пять пудов муки. Выдают бойцам по 150 граммов хлеба в сутки. Достать продовольствие негде.

Мокроусов тяжело вздохнул и тихо, но твердо сказал:

— Если мы будем ждать манны небесной, враг задушит нас голодом. Нужно любым путем добывать продовольствие у противника.

— Это не выход из положения, — возразил я. — Не решить проблемы даже и в том случае, если время от вре-

* Став взрослым, Яков Михеенко сменил имя, так как оно не нравилось его любимой девушке. В отряде все партизаны знали только его новое имя: Михаил. — *Прим. авт.*

мени нам будут сбрасывать с самолетов мешки с сухарями. Действовать следует иначе. Необходимо добиться самолетов, которые будут доставлять продовольствие и боеприпасы, а отсюда вывозить раненых, больных, женщин, детей, стариков. Их у нас сейчас столько же, сколько бойцов.

Мартынов поддержал мое предложение, и Мокроусов тут же продиктовал радиogramму командующему фронтом.

21 марта

Поздней ночью из Краснодара прилетел У-2. Летчик Морозов и штурман Щербина отлично посадили самолет на одной из указанных нами площадок.

Весть о посадке самолета в лесу с быстротой молнии распространилась среди партизан. Особенно оживлены раненые и больные.

Летчики имели задание разведать наши площадки и выяснить возможность посадки малых и больших самолетов. В разведку направились большой группой. Осмотрев только две площадки, Морозов и Щербина в один голос заявили, что у нас возможна посадка самолетов любого типа.

На рассвете майор Поликарпов сбросил нам на парашютах продовольствие и боепитание. В один из мешков с сухарями вложена записка: майор Поликарпов и его боевые товарищи приветствуют партизан и обещают свою помощь.

От всего сердца благодарим мы наших отважных друзей.

24 марта

Вчера ночью над лесом появились два транспортных самолета и точно в указанном месте сбросили мешки с сухарями. В письме, которое обнаружили наши ребята, летчик Кулавин приветствовал партизан и предупреждал, чтобы следующей ночью их ждали опять.

Выражая настроение всех партизан, Мокроусов и Мартынов радиовали Кулавину: *Горячо благодарим вас и ваших товарищей за привет и добрые пожелания. Ваша работа и внимание бодрят и воодушевляют партизан Крыма на борьбу с фашистскими оккупантами. За 4 месяца партизаны уничтожили 4000 фашистов, 393 автомашины,*

2 танка, систематически нарушают связь, разрушают дороги, взрывают мосты.

Дорогие товарищи, будьте уверены, что партизаны Крыма и дальше, не жалея сил и своей жизни, будут всемерно помогать нашей славной Красной Армии истреблять фашистских захватчиков. С партизанским приветом!

Славными делами отвечают партизаны на братскую заботу о них. Вчера отличился Иван Александрович Голиков, в прошлом агроном семеноводческого совхоза «Караган», а ныне командир группы Бюкеевского отряда. Оправившись после тяжелого ранения, полученного в январе, Голиков вот уже второй раз совершает со своей группой дерзкие диверсии на алуштинской дороге. Вчера, например, его бойцам удалось уничтожить 3 машины с прожекторными установками, 15 вражеских солдат и офицера.

Сегодня утром группа партизан Ичкинского отряда под командованием Барановского провела удачную боевую вылазку на ускутскую дорогу.

Регулярно два-три раза в день мы сообщаем штабу фронта интересующие его разведанные. Добывают их партизанские разведчики, а главным образом — наши помощники из местных жителей. Много у нас друзей, например, в деревне Ангара. Здесь проходит очень важная дорога Симферополь — Алушта — Ялта — Севастополь, по которой противник перебрасывает войска и технику. Здесь и находится один из основных наших пунктов наблюдения. Утром и вечером мы получаем отсюда сводки, а через час о них узнает штаб фронта...

В конце ноября прошлого года мы получили большую сумму денег от Мокроусова. В последнее время их стали расходовать на приобретение медикаментов. Основная же часть денег идет на единовременное пособие красноармейским семьям. С великой благодарностью жены, матери и отцы красноармейцев и командиров принимают помощь от партизан. Правда, делать это приходится с большими предосторожностями: никто не должен пострадать за связь с партизанами.

25 марта

Наши чекисты-партизаны с помощью населения бдительно следят за деятельностью вражеской разведки.

В Крыму действуют одновременно гестапо, абвер, полевая жандармерия, криминальная полиция, обычная полиция и даже такое «сельскохозяйственное» учреждение, как ВИКО. Каждая из этих организаций имеет в городах, райцентрах и деревнях свою агентуру, которая помогает оккупантам бороться против партизан и всех честных советских людей, оказавшихся на занятой врагом территории.

Нам хорошо известно, что разведка противника, едва появившись в Крыму, стала вербовать для себя агентов. Для этого в ход пускались подкуп, шантаж, угрозы. Но находились подонки, которые вставляли на путь предательства по «идейным» соображениям. Об одном из них хочу рассказать. Познакомились мы в сентябре прошлого года, хотя тут же выяснилось, что знаю я этого человека очень давно. Впрочем, обо всем по порядку.

Приехав по делам в Сартанское лесничество, я не застал на месте Павла Фомича Кузьменко и зашел в контору. За столом главбуха сидел мужчина лет сорока пяти. Склонив седую голову, он копался в бухгалтерских книгах. Я подошел ближе, он поднял голову и, как ужаленный, вскопчил. Мы стояли и смотрели друг другу в глаза. Я сразу вспомнил январь 1920 года. Штаб нашей 58-й стрелковой дивизии стоял тогда в Святошино, под Киевом, а в округе свирепствовал небезызвестный белогвардейский генерал Бредов. В те дни нашей разведке удалось захватить молодого поручика белогвардейской контрразведки Илью Ильича Голоктионова* — сына священника из Житомира. Поручика долго допрашивали в особом отделе дивизии, а ночью он сбежал. И вот спустя двадцать два года я увидел его. В первую минуту он залился краской, затем побелел, как мертвец. Оправившись от шока, бывший поручик начал сбивчиво бормотать что-то. Потом речь его стала более вразумительной: Голоктионов раскаивался в ошибках молодости, уверял, что стал другим человеком, что намерен воевать против захватчиков.

Позднее я видел его еще несколько раз, и мне показалось, что Голоктионов начисто перечеркнул прошлое.

Перед моим уходом в лес мы условились, что он будет выполнять в Сартанах некоторые задания партизан. Два

* В лесничестве и по документам главбух числился Галактиевым. Перемену фамилии объяснял ошибкой паспортного стола. — *Прим. авт.*

месяца он держал слово. А в январе узнали — Голоктионов двойник: работает на нас и на противника.

Недавно мы поручили Павлу Кузьменко возглавить группу партизан и привести предателя в лес. Сделать это пока не удалось — оккупанты тщательно охраняют своего агента.

27 марта

За последние дни партизаны Зуйского, Биюкского, Ичкинского и Карасубазарского отрядов совершили несколько удачных налетов на вражеские войска и транспорт, двигавшиеся по дорогам Алушта — Симферополь, Симферополь — Феодосия, Карасубазар — Ускут. Диверсионная группа Сейтлерского отряда в составе старшего лейтенанта Порфирия Андреевича Колесника, Яши Саковича, Павла Помазана и Михаила Рогова в третий раз взорвала мост на дороге Алушта — Судак в районе Семидворья. Успешно действуют наши разведчики.

Вчера днем на Феодосию прошло около трехсот автомашин с войсками и боевой техникой, — радировали мы штабу фронта. — Сегодня прошло около двухсот автомашин. Переброска войск проходит пожарном порядке. 18-я дивизия, которая дислоцировалась в районе Зуя, Мазанка, ушла Феодосию пешком. Ночью Симферополь, Феодосию тягачами переброшены на платформах около сорока танков. Отмечено большое движение войск по дороге Карасубазар — Сейтлер. Материала для вас много, дайте дополнительное время.

...В лесу еще лежит снег, вечерами и особенно ночью довольно холодно, но на южных склонах и в долинах земля уже пробуждается от зимней спячки. Местами показалась травка. Весна не за горами. Радостно чувствовать ее приближение. Но с наступлением тепла возникают и новые заботы. Первая из них — обувь, хотя и с одеждой дело не лучше. В каждом отряде открываем сапожные и портняжные мастерские. Кураков и Городовиков организовали пошив сапог из кавалерийских седел, брошенных в лесу осенью прошлого года. Гриша Назаренко приловчился делать сапожные шпильки. На драгву идут парашютные стropy.

А какие нашлись у нас специалисты! Председатель колхоза «Свободный труд» Федор Павлович Лысенко ремонтирует обувь так, что залюбуешься. Не уступит ему

и директор Джанкойского промкомбината Яков Иосифович Сердце. Роберт Яковлевич Тобро успешно ремонтирует часы.

Организовали даже пошив головных уборов. Тут проявил свои способности инженер металлург керченского завода, а ныне политрук боевой группы Рафаил Абрамович Бакши. В свободное время он сшил не один десяток фуражек из парашютных мешков.

Ночью прилетел на «уточке» летчик Морозов и забрал с собой двух тяжелораненых — командира Зуйского отряда Николая Петровича Ларина и бойца Алексея Борисовича Астафьева. Только что получена радиограмма — наши товарищи благополучно доставлены в Краснодар.

Положено начало очень большому делу!

30 марта

Виктор Домнин принес Мокроусову письмо от начальника третьего района Георгия Леонидовича Северского и комиссара Василия Ивановича Никанорова. Алексей Васильевич дважды перечитал письмо и передал мне. В глазах у него стояли слезы. Прочитал я послание Северского и Никанорова и, признаться, тоже не выдержал.

Командующему товарищу Мокроусову, комиссару тов. Мартынову, — писали наши боевые друзья. — Помощи от вас нет. Девяносто процентов личного состава вышло из строя. С каждым днем увеличивается число бойцов, которые на долгое время останутся калеками. Смертность прогрессирует. Крайние меры, нами предпринятые, т. е. попытки добыть продукты в населенных пунктах силой, результатов не дали. В связи с полной истощенностью бойцов считаю необходимым немедленно апеллировать к правительству. Северский. Никаноров. 29.3.42 года.

После короткого совещания Мокроусов и Мартынов направили радиограмму Военному совету и обкому партии о катастрофическом положении, сложившемся в южнобережных отрядах...

Сегодня ночью вернулись в лагерь на горе Средней. Вслед за нами пришел Городовиков с отрядом. Вновь заняли старые базы ичкинцы, джанкойцы и карасубазарцы. Селихов остался в Зуйских лесах.

Наши землянки оказались целыми и невредимыми. Но совершенно нет продуктов. Со вчерашнего дня мы ничего

не ели. Ребята обещают раздобыть кое-что в соседних деревнях, а пока приходится туже подтянуть ремни.

31 марта

Пять месяцев живем мы в лесу. Пять месяцев боремся против оккупантов. С каждым днем все ощутимее становятся наши удары по врагу.

По состоянию на 1 апреля 1942 года в отрядах второго района числится 1096 партизан. 76 процентов из них — русские и украинцы. Остальные — белорусы, армяне, латыши, эстонцы, грузины, евреи, азербайджанцы. Живем и боремся против оккупантов дружной единой семьей. Нас объединяет любовь к Родине и ненависть к врагу. Душой всего нашего дела являются коммунисты. Их у нас около четырехсот человек, а это огромная сила.

Тянутся к партизанам советские люди: они верят нам, верят в победу, несмотря на временные успехи противника. В феврале, например, в Джанкойский отряд влилась группа колхозников из близлежащих деревень. В начале марта таким же образом пополнился Карасубазарский отряд. Вчера в Зуйский отряд прибыло 13 семей из деревни Барабановка.

Неуклонно растет боевая активность отрядов. Если в ноябре прошлого года партизаны нашего района провели 66 диверсий и стычек, то в марте нынешнего года эта цифра выросла до 326.

За это время уничтожено 2647 вражеских солдат и офицеров, разбито 126 грузовых и 16 легковых машин, 28 прицепов, 2 средних танка, взорвано 12 мостов, уничтожено 16 тысяч метров телефонно-телеграфного провода, захвачено 174 винтовки, 26 автоматов, 8 пулеметов, радиостанция и различное военное имущество.

Среди населения и войск противника распространено около 6500 газет и листовок, издаваемых партизанами и полученных с Большой земли.

За зиму нам пришлось испытать большие трудности. Но ничто не сломило воли к борьбе. Мы научились воевать и стали хорошими солдатами.

5 апреля

Группа моряков-десантников под командованием лейтенанта Лукина после неудачного десанта в Судаке в ян-

варе 1942 года ушла в лес и находилась в первом районе. Два дня назад моряки попытались перейти линию фронта в районе Феодосии. Потерпев неудачу, группа вернулась и теперь намерена двигаться к Севастополю. По пути десантники остановились в Джанкойском отряде. Я долго беседовал с лейтенантом Лукиным. Потом мы вместе отправились к морякам. Поговорили, что называется, по душам. Ребята изменили свое решение и остаются в Джанкойском отряде. Они составят отдельную боевую группу.

Мокроусов сегодня снова радировал обкому и штабу фронта о голоде в третьем, четвертом и пятом районах, попросил сбрасывать продукты в первую очередь Северскому и Вергасову.

6 апреля

Рано утром к нам в землянку пришел Мартынов.

— Поторопись, Иван Гаврилович. Нас с тобой ждет Мокроусов.

Мы быстро зашагали в глубь леса и вышли к речке Малая Карасевка. Здесь на берегу я увидел Алексея Васильевича.

— Нам предстоит решить очень важный вопрос, — поздоровавшись, сказал он. — В сентябре прошлого года в обкоме меня предупредили, что для руководства подпольем и партизанским движением в Крыму будет оставлен партийный центр в составе трех товарищей. Возглавлять этот центр должен был один из секретарей обкома. В лесу мы находимся уже пять месяцев. Связи с центром нет. Нужно подумать, что будем делать дальше. Придется, очевидно, самим создавать партийное подполье, чтобы вести через него работу среди населения и войск противника. Кто-то у нас в штабе должен заняться этим делом...

— Мне тоже сказали, что предполагается создать подпольный партийный центр, который будет руководить партизанским движением и партийной работой в подполье. Назывались имена членов этой тройки. Теперь мы уже знаем, что Меньшиков, секретарь обкома, находится в Севастополе, — добавил Мартынов.

— И ведь что обидно, — продолжал Мокроусов. — Мы выделили в распоряжение обкома десятки коммунистов для работы в подполье. А связаться с ними невозможно: нет пароля, неизвестны партийные клички товарищей, адреса явочных квартир. Мириться с таким положением

дальше нельзя. Связь с подпольем нам просто необходима. Думаю, это дело следует поручить Генову. Твое мнение, Иван Гаврилович?

Я согласился. Для начала решили установить связи с оставленными в подполье товарищами, а затем просить помощи у обкома.

К работе я должен приступить немедленно, не дожидаясь официального утверждения областным комитетом партии. Мне предложили в трехдневный срок представить свои соображения и план работы партийного подполья.

7 апреля

Утром две роты вражеских солдат — одна из Ени-Салы, другая из Сартапы — одновременно пошли в наступление на горы Скирда и Средняя. На полпути противник остановился, а вскоре открыл огонь из пушек и минометов. Обстрел продолжался довольно долго. Патронов солдаты тоже не жалели, а затем неожиданно стали уходить обратно — одни в Сартану, другие в Ени-Салу. В этом «бою» оккупанты «достигли» своей цели: в лес они ходили, стрелять стреляли и домой вернулись с тремя ранеными. Вечером по начальству пойдет очередное донесение, будут трезвонить на весь Крым об «успешной операции» против партизан!

Диверсионная группа Карасубазарского отряда под командой Ивана Ивановича Березнюка всю ночь просидела в засаде на феодосийской дороге. Не дождавшись противника, партизаны ушли, а через полчаса на Феодосию прошли пять грузовиков с солдатами, охранявшими черный «мерседес». На сей раз у наших товарищей не хватило терпения, и они упустили, видимо, крупного зверя...

8 апреля

Ночью диверсионная группа Зуйского отряда взорвала мост на алуштинской дороге в районе Таушан-Базара и срезала пять пролетов телефонного провода. Другая группа этого же отряда под началом Мисько напала на деревню Нейзац и разбила коммутатор телефонной станции. В лес партизаны принесли два телефонных аппарата и привели немецкого связиста.

Вечером у нас появился связной третьего района Виктор Домнин. Он принес большую пачку газеты «Крымский партизан» № 4 от 31 марта 1942 года и доставил нам этим большую радость.

10 апреля

Вчера в два часа ночи из Краснодара на «уточке» прилетели летчики Морозов и штурман Щербина. Партизаны встретили их как старых друзей — объятиям и поцелуям не было конца. Летчики доставили боепитание и увезли раненых.

Наш поэт Виталий Поляков тут же написал стихотворение в честь отважных соколов:

Сквозь бури, туманы, дожди и метели
По шире воздушных дорог
Вы к нам, партизанам, на помощь летели,
И враг удержать вас не смог.

Вы смерть победили, свободные птицы,
Смели все преграды с пути,
Вы ночью сумели, как днем, приземлиться
На малом клочочке земли.

Недаром нам снилось пред зорькою ясной
Со звездочкой красной крыло.
В морозы, в метели, в любое ненастье
Несли вы Отчизны тепло.

Несли вы отважно сквозь грозные выси
Пожатия дружеских рук,
Оружье для битвы, махорку и письма
От наших родных и подруг.

Пусть вечную песню о гордом бесстрашии
Поют вам родные края.
Спасибо, могучие соколы наши,
Советской земли сыновья!

11 апреля

Наконец мы смогли дать ответ на запрос штаба фронта, полученный несколько дней назад: *Вражеский секретный аэродром находится в деревушке Ново-Зуевка, в трех километрах юго-восточнее станции Бююк. Аэродроме Сарабузе вместо самолетов макеты.*

Советские летчики уверенно бомбили Ново-Зуевку, а на сарабузский аэродром, где немцы держали макеты самолетов, сбросили несколько поленьев.

124

— По Сеньке и шапка, — со смехом резюмировал старый партизан, герой гражданской войны Василий Андреевич Дейнега. — Какие самолеты, такие и бомбы. Вот утерли фашистам нос... Лучше не придумаешь!

Теперь у Василия Андреевича надолго хватит пицци для разговоров.

12 апреля

Неделю назад снег в горах стаял. На деревьях появились первые почки, зазеленели поля. Сегодня всю ночь шел мелкий, теплый дождь. Утром небо очистилось от туч.

Мы сидели в штабной землянке, когда раздался крик дежурного по штабу Павла Кузьменко:

— Скворцы, скворцы прилетели!

Дежурному не положено делать подобные объявления, но мы простили ему это нарушение. Мы и сами, как мальчишки, обрадовались вестникам весны.

Днем вместе с Чубом и несколькими партизанами поднялись на верхушку Аю-Кая. Здесь, на высоте свыше тысячи метров, с юга дул легкий ветерок. Наши моряки Лень Уваров и Миша Саханский, сияя от радости, полной грудью вдыхали морской воздух. А внизу, в долинах, лежали цветущие сады. На зеленом фоне хорошо выделялись в своем розовом наряде персиковые деревья, а чуть пониже белели вишни.

— Як подывлюсь, як воно зеление — душа радується, а як згадаю, що воно тепер не мое, серце больть и кулаки стыскуються вид лютости. Так хочеться вдарыты, щоб у Гитлера голова триснула. — Этими словами Григорий Рыженко как бы выразил настроение всех, кто находился на Аю-Кая.

С вершины горы хорошо просматривалось расположение вражеских застав, постов и мест патрулирования дорог. Несколько часов мы внимательно наблюдали за противником.

Поздно вечером вернулись в лагерь. В землянке нас ждал командир Джанкойского отряда Константин Петрович Кобзев. Он доложил данные разведчиков, побывавших на Феодосийском шоссе.

Особенно нас интересует сейчас обстановка на дороге Симферополь — Феодосия. Данными от отрядов мы располагаем, но они порой разноречивы. Прежде чем радиро-

125

вать в штаб фронта, надо тщательно во всем разобраться. С этой целью и послали в разведку комсомольцев Кисеева и Дьяченко, и ведь что обнаружилось: все машины, которые шли на Феодосию, везли солдат и боеприпасы, а в обратном направлении двигались только порожняком.

Сведения, которые принесли Кисеев и Дьяченко, подтвердили разведчики нескольких отрядов. Лишь после этого мы передали штабу фронта, что противник сосредоточивает крупные силы в районах Старого Крыма, Отуз, Коктебеля, Цюрихталя, Османчика и Субаша.

13 апреля

Мокроусов пригласил нас с Мартыновым «прогуляться». Снова пришли на берег Карасевки.

— Ну как, подумал о новой работе? — спросил меня Алексей Васильевич. — Дорог каждый день. Надо создавать партийное подполье.

После нашего первого совещания по этому вопросу прошло не так уж много времени, но думать, конечно, пришлось. Свои соображения выложил откровенно.

Партийное подполье нужно создавать за счет особо надежных людей, проживающих в деревнях и районах. Необходимо учитывать, что оккупанты провели регистрацию всего населения. Лица, не прошедшие регистрацию, подлежат аресту. Без пропуска запрещено передвигаться из одного пункта в другой. В этой ситуации появление любого нашего посланца будет немедленно взято на учет. А в ближайших населенных пунктах, несмотря на жестокие репрессии оккупантов, осталось на воле немало преданных Родине патриотов, остались коммунисты и комсомольцы. Надо осторожно выявить их, наладить связи.

В подпольные организации следует вовлекать и беспартийный актив — учителей, агрономов, служащих, изъявивших желание вести активную борьбу против иноземных захватчиков. Группы советских патриотов (ГСП) должны состоять из трех — пяти человек. Эти «тройки» и «пятерки» будут возглавлять товарищи, подчиненные городским и районным партуполномоченным. Фамилии членов групп может знать только уполномоченный. Лучше всего дать каждому подпольщику кличку. Городские и районные партуполномоченные назначаются нами...

Мокроусов и Мартынов согласились со мной.

Ночью прилетел самолет из Керчи. Летчик привез письмо от трудящихся города:

Здравствуйте, дорогие товарищи партизаны и партизанки!

Шлем вам наш горячий привет из освобожденной Керчи! Вот уже более трех месяцев Красное знамя вновь развевается над Керченским полуостровом. Быстро восстанавливается разрушенное фашистскими извергами хозяйство. Снова работают на полную мощность предприятия города, рабочие и работницы встали к своим станкам и самоотверженно выполняют заказы фронта.

Суровые дни переживает наш родной Крым. Чувствуя приближение грозного часа расправы, фашистские людоеды творят неслыханные кровавые злодеяния. Но час возмездия скоро настанет! Неуклонно ломая сопротивление врага, Красная Армия идет на запад, освобождая все новые и новые населенные пункты. Грозной силой на борьбу с ненавистным врагом встали вы, народные мстители.

Родные товарищи! Вы всегда в наших сердцах, мы помним о вас ежедневно... Усиливайте вашу помощь вооруженным силам Советской Родины! Множьте удары по фашистским мерзавцам! Громите штабы фашистских войск. Беспощадно уничтожайте немецких захватчиков. Нарушайте связь, рвите телефонные и телеграфные провода, не давайте врагу возможности перебрасывать воинские части, подвозить боеприпасы, оружие. Взрывайте мосты, создавайте завалы на дорогах, истребляйте предателей и изменников. Пусть из-за каждого поворота дороги, из-за каждого куста грозит им смертельная опасность. Пусть меткая партизанская пуля всюду разит врага...

По радио мы услышали, что 13 апреля 1942 года Советское правительство выпустило Государственный военный заем. В отрядах тут же состоялись митинги. В течение часа партизаны Ичкинского, Джанкойского и Карасубазарского отрядов внесли в фонд победы над врагом 106 тысяч рублей наличными и на 48 тысяч облигаций различных займов. На митингах было решено просить правительство построить самолет «Крымский партизан» и передать его лучшему боевому летчику Крымского фронта.

20 апреля

Несколько дней назад Военный совет фронта присвоил А. В. Мокроусову звание полковника, а С. В. Мартынову — старшего батальонного комиссара.

За зиму и весну партизаны Крыма прошли большую школу жизни и борьбы.

Фашистское командование вынуждено посылать против нас все новые карательные экспедиции. На сдерживание отрядов одного нашего района противник бросал иногда целую дивизию.

После двухдневного боя на горе Средней мы отошли в Молбайские леса. Здесь расположился со своим отрядом Михаил Ильич Чуб, тут же находились штаб района и Центральный штаб с комендантской группой лейтенанта Федя Федоренко.

Вечером разведчики донесли, что в соседних деревнях замечена подозрительная возня. Командиру Ичкинского отряда было приказано усилить заставы и установить наблюдение за деревнями Молбай, Ени-Сала, Камышлык и районом Караби-яйлы.

Сегодня утром противник тремя колоннами с различных направлений начал двигаться к Молбайским лесам. Положение создалось сложное: путь в Зуйские леса через Караби-яйлу нам был отрезан. На Среднюю мы также не могли вернуться — ее успели занять оккупанты. Они, видимо, и рассчитывали прижать нас к Ускутским скалам, а точнее к горе Девичья грудь, и там перебить. В сложившейся ситуации самое правильное было не принимать открытого боя с превосходящими силами врага, незаметно ускользнуть от него. Но поступить так мы тоже не могли: надо было защищать себя, свои базы, а главное — санитарные землянки, в которых находилось 112 раненых и тяжело больных партизан. Мы приняли решение организовать оборону, хотя хорошо понимали, как трудно сделать это в небольшом Молбайском лесу. Вся надежда была на горы, не раз выручавшие нас.

Чуб вовремя занял основные высоты и расположил там боевые группы. Партизаны Чуба подготовились встретить гитлеровцев с трех направлений. А в это время к ним с тыла скрытно подбиралась четвертая группа вражеских солдат. Обнаружил ее боец пулеметчик Центрального штаба Яша Кирейшин. Молодой коммунист принял

правильное решение: немедленно открыл огонь из пулемета. Этим он не только поднял тревогу у нас в штабе, но и предупредил Чуба об опасности, грозившей с тыла. Чуб тут же занял круговую оборону. В полную боевую готовность привел своих людей Федя Федоренко. Примерно через час оккупанты развернулись против Ичкинского отряда. Они не жалели ни снарядов, ни мин, ни патронов. Но им не помогло даже тринадцатикратное превосходство в людях и боевой технике. Девять партизан под командованием Володи Опекунова упорно обороняли занимаемую высоту и отошли на вторую линию обороны, только получив приказ Чуба.

Бой стал стихать лишь к вечеру. Вскоре противник начал отводить своих солдат, а затем всю ночь вывозил на подводах раненых и убитых.

Мы также потеряли несколько человек. Смертью храбрых пал всеми уважаемый учитель из Симферополя коммунист Даниил Эммануилович Черток.

Михаил Ильич Чуб, зайдя в штаб, с гордостью рассказал о героическом поведении в бою Георгия Зубарева, Яши Крыма, Арманда Касьянова, Дмитрия Пшеничного, Евгения Ярмола, Александра Степанова, Бориса Ничкова, снайпера отряда Анатолия Караджиева, Мили Бубиса, Владимира Опекунова и славных женщин партизанок Веры Загоскиной, Галины Леоновой, Анастасии Тимошенко. Особо отличились в тот день командиры его боевых групп: Антон Гавриленко, Иван Мотяхин, Сергей Коновалов и Владимир Жигарев.

Мокроусов и Мартынов объявили благодарность личному составу отряда и горячо поблагодарили Михаила Ильича Чуба за умелое руководство боем.

21 апреля

Противник понес такие потери, что не решился продолжать атаки. Мы не дремали. Сразу после боя все отряды вышли из Молбайского леса и двинулись на старые позиции: здесь возле гор Средняя и Скирда находились наши запасы патронов и гранат. Двигались всю ночь и к десяти утра поднялись на вершину Средней.

Первая же радиограмма штаба фронта порадовала нас: разыскались следы Ивана Николаевича Казакова — начальника разведки из штаба Мокроусова. Мы ничего не

знали о Казакове с тех пор, как он ушел в Зуйские леса. Оказывается, с ним все благополучно, его доставили самолетом в Керчь. Настроение поднялось еще больше, когда Григорий Назаренко с Павлом Кузьменко привели в лагерь лошадь и корову. Наконец поедим вареного мяса. Правда, нет соли и хлеба, но мы уже привыкли — обходимся.

Сегодня выяснился и вопрос о руководстве партийным подпольем. Военный совет фронта сообщил, что предложение Мокроусова одобрено и меня утвердили в новой должности.

Мокроусов попросил штаб фронта назначить начальником первого партизанского района Б. Б. Городовикова.

25 апреля

На днях пригласил на беседу политрука группы одного из отрядов. Я неплохо знаю его, да и другие дали товарищу положительную характеристику.

Разговор наш становился все откровенней. Наконец решил заговорить о главном. Сказал, что в лесу политработников хватает, а вот в городах и деревнях их нет. Нам необходимо иметь своего человека в Сарабузе, чтобы организовать в районе партийную, политическую и разведывательную работу. Сарабуз — это железнодорожный узел, через который регулярно проходят вражеские составы с войсками и боевой техникой на Симферополь и Евпаторию. Рядом находятся немецкие аэродромы. Из Сарабузы удобно поддерживать связь с Симферополем, Евпаторией и степными районами.

В конце беседы я прямо спросил политрука, согласен ли он вести работу в подполье.

Мой собеседник ответил не сразу.

— Не подхожу я для такого дела, — смущенно сказал он после длительной паузы. — Честно сказать, не умею язык держать за зубами...

Я постарался перевести разговор на другое. А про себя подумал: прав политрук. Одно дело быть в рядах партизан и с оружием в руках вести борьбу с оккупантами. А совсем другое — находиться в подполье, оказываясь вне боевого коллектива, ежедневно лицом к лицу сталкиваться с врагом. Не всякий даже мужественный и храбрый человек подойдет для этого. При подборе подпольщиков нужен иной подход.

По-другому прошла у нас беседа с бывшим председателем Сейтлерского райисполкома Иваном Сергеевичем Дьяченко — ныне начальником боепитания отряда. Он дал согласие без колебаний.

Мне захотелось поделиться с ним своим скромным опытом. Рассказал, как в 1918 году, когда войска кайзеровской Германии оккупировали Крым, я с группой большевиков оказался в симферопольской тюрьме, как товарищи с помощью подпольного городского комитета партии освободили меня, как направили на нелегальную партийную работу в Карасубазар.

Перед уходом товарищи из подпольного губкома дали мне кличку Соколов и посоветовали, как вести себя на новом месте. Именно тогда я на всю жизнь усвоил первую заповедь подпольщика: тайна остается тайной до тех пор, пока ее знает один человек, если она известна двоим — это уже тайна наполовину, ну, а если ее знают трое — никакой тайны больше не существует. Голова подпольщика держится на кончике его языка — проболтался, и нет головы...

26 апреля

Еще в конце марта мы получили задание штаба фронта разведать местонахождение секретного немецкого аэродрома в треугольнике Карасубазар — Сейтлер — Ички. Задание мы поручили выполнить Василию Степановичу Чумасову — командиру группы Ичкинского отряда, прекрасно знавшему эти места. Связным с Чумасовым послали молодого партизана.

Через несколько дней связной принес от Чумасова записку, содержащую подробные сведения о секретном аэродроме. Сам Чумасов долго не возвращался, и мы уже просто не знали, что думать. И вот сегодня утром разведчик, измученный и худой, благополучно добрался до нас. Большой радостью было для меня увидеть своего друга живым.

Интересные вещи рассказал Василий Степанович. На окраине деревни Пролом он обнаружил хорошо замаскированную колонну из 60 немецких танков и 10 машин. В подлесных деревьях Мелек, Бурундук, Тангельды, Булганак и Мурза-Кой полно вражеской кавалерии. В районе треугольника Карасубазар — Сейтлер — Ички

действуют два аэродрома. Один — северо-восточнее Салгирки, второй — юго-восточнее совхоза «Чоты». На первый аэродром базируются истребители, на второй — бомбардировщики.

Несколько дней Чумасов провел в деревне Аблеш. Местная полиция сбилась там с ног: на заборах и воротах ежедневно появляются листовки, призывающие уничтожать оккупантов. И это в условиях жесточайшего террора! Здесь в Аблеше Чумасов сам едва не попал в лапы врага. Он задержался в деревне, ожидая надежных людей, которых послал на разведку. Особенно его интересовали данные о немецких складах снарядов в Ичках, а посланец все не возвращался.

Тут-то и началась в Аблеше массовая подворная работа. Чумасов с трудом унес ноги, отсидевшись в ледяной речке. Это купание не прошло даром. Василий Степанович заболел крупозным воспалением легких и пролежал больше недели у знакомого в деревне Арганчук. К нам разведчик добрался полубольным, и мы направили его долечиваться в санитарную землянку.

27 апреля

В конце октября прошлого года на последнем совещании начальников партизанских районов Алексей Васильевич Мокроусов сказал в заключение:

— Никаких списков не вести, штабных документов при себе не хранить, все сжигать.

В этом вопросе я не согласился с Мокроусовым. И вот почему. Партизаны в гражданскую тут же, в Крыму, в этих самых лесах, я заносил в свою тетрадь сведения о личном составе отряда, описывал боевые операции, делал заметки о героических поступках товарищей. В апреле 1919 года, за неделю до выхода из леса, моя тетрадь сгорела, а потом более двадцати лет мне приходилось краснеть перед друзьями и их родственниками: не мог дать нужных справок.

Помня об этом, в 1941 году я с первых дней партизанской жизни веду дневник, тщательно собираю и храню все документы, касающиеся партизанского движения в Крыму. Уже к декабрю у меня скопилось большое количество таких документов: список личного состава отрядов, книга приказов, донесения командиров и комисса-

ров отрядов. Позже появились приказы Центрального штаба партизанского движения, переписка с отрядами и штабами других районов, радиопереписка со штабом фронта и обкомом партии, наши и немецкие листовки, поименные списки погибших. Тогда же решил свой «архив» при себе не держать, а закопать в землю. Для хранения бумаг использовал железные коробки из-под пулеметных лент. На сегодняшний день я закопал пять таких коробок. И хотя оккупанты дважды побывали в наших лагерях, разрушили землянки, перерыли все вокруг, драгоценных ящичков с документами они не нашли.

Сегодня решил проверить состояние своего «хозяйства». Сырость не повлияла на бумаги. Документы, написанные карандашом, оказались в прекрасном виде. Попортилась лишь часть бумаг, написанная чернилами. Это я взял на заметку.

Вездесущий Гриша Назаренко раздобыл где-то порядочный кусок брезента. Мы раскроили его, обернули все ящички и снова закопали их, но на сей раз в сухую почву на южном склоне крутых гор. О тайнике знают Гриша Назаренко, Павел Кузьменко и Надежда Францевна. Тот из нас, кто останется жив, сдаст после войны все документы Крымскому обкому партии...

— Не выполнил я один твой приказ, — сказал я Мокроусову. — Решил покаяться...

Алексей Васильевич с недоумением посмотрел на меня.

— Ты о чем?

Пришлось рассказать о тайнике с бумагами.

— А ты уверен, что спрятано все надежно?

— Абсолютно.

— Тогда возьми и мои штабные документы...

От сердца у меня отлегло: я ожидал худшего.

28 апреля

К нам регулярно летают самолеты из Краснодара, Крымской, Керчи. Их надо принять, обслужить. Возглавить это дело поручили бывшему секретарю райкома комиссару Сейтлерского отряда Михаилу Ивановичу Пузакину. В его распоряжении специально организованная аэродромная команда. Пока идет разгрузка и погрузка самолетов, летчики учат наших товарищей разжигать костры, растолковывают азы аэродромной службы. И, на-

до сказать, партизаны неплохо осваивают новые обязанности. Летчики их даже хвалят...

Полковник Басан Бадьминович Городовиков утвержден штабом фронта начальником первого партизанского района — Судакские — Старокрымские леса. Сегодня мы проводили его в путь.

1 мая

Ночью прошел хороший теплый дождь. Все кругом сразу преобразилось. Деревья оделись сочной листвой. И на душе у людей словно бы посветлело: сегодня у нас Первомай.

Командующий партизанским движением Крыма подписал праздничный приказ: *В день 1 Мая — праздника трудящихся всего мира — поздравляю всех партизан и партизанок Крыма, желаю всем наилучших успехов в борьбе по уничтожению врага и скорейшего освобождения народов Крыма от немецких оккупантов. Уверен, что партизаны и партизанки Крыма, встречая наш Первомай, несмотря на все трудности и лишения, стойко, как и подобает большевикам, патриотам нашей великой Родины, еще больше будут уничтожать врага, не давая ему нигде покоя.*

Партизаны и партизанки Крыма в течение шестимесячной борьбы в тылу врага доказали свою преданность Родине.

Приказываю все дисциплинарные взыскания, наложенные на командиров, начальников и рядовых бойцов, снять. Все подсудные дела следствием прекратить, кроме дел, связанных с изменой Родине и шпионажем. Все вынесенные приговоры «условно» отменить.

Не забыли нас и на Большой земле. Получена поздравительная радиogramма от Военного совета Крымского фронта.

3 мая

Партизаны Ичкинского, Джанкойского и Зуйского отрядов успешно действовали вчера на дорогах Симферополь — Алушта, Симферополь — Феодосия, Карасубазар — Ускут. Уничтожено восемь грузовых и одна легковая машина, убито восемнадцать вражеских солдат и два офицера. Захвачено шесть автоматов, восемь винтовок, два пистолета. А сегодня ичкинцы и зуйчане вывезли из

Барабановки, из-под носа оккупантов, две с половиной тонны муки.

Получена очередная радиogramма от Козлова и Шаманина. Военный совет фронта выражает надежду на скорую встречу партизан с Красной Армией. В связи с этим кое у кого из наших бойцов появились «чемоданные» настроения. Холодным душем подействовали на многих слова Мокроусова: *Мы обязаны думать теперь не о встрече с Красной Армией, а о том, чтобы выполнить свой долг до конца. С началом наступления Красной Армии нам следует отходить вместе с вражеской армией. Наша задача — дезорганизовать ее тылы и соединиться с Красной Армией лишь после изгнания немецко-фашистских захватчиков из Крыма.*

Ночью самолеты привезли газеты и листовки. Несколько человек из командного состава, в том числе и я, получили персональные посылки. Их содержимое, так уж у нас заведено, пошло в общий котел.

6 мая

Самолеты прилетают к нам почти каждую ночь. Однако до сих пор мы не получили столь необходимые для экипировки подпольщиков обувь и одежду. Но подпольщики все же начали действовать. Несколько человек отправилась в Ичкинский район. Среди них Василий Степанович Чумасов (Павел) и его помощник для связи с нами Василий Кудрявцев (Алексей). В Джанкойский район пошли Сергей Логвинов (Николай) и Василий Минченко (Борис), в Сейтлерский район Иван Сергеевич Дьяченко (Владимир) и его связной Николай Андреевич Ханин (Роман).

Пленный Вилли Биркле, захваченный партизанами во время налета на вражескую автоколонну, сообщил, что его, как и многих других, досрочно выписали из команды выздоравливающих в Симферополе и направили с маршевым батальоном в Феодосию. «В Симферополе под метелку забирают всех солдат и посылают на фронт», — признался пленный. Мы немедленно радировали об этом в штаб фронта.

Ночью самолеты привезли боеприпасы, медикаменты, листовки. Наши агитаторы сразу разобрали листовки и пошли с ними по деревням.

Вечером летчики передали Мокроусову пакет из штаба фронта. В нем оказался оперативный приказ о наступлении советских войск.

7 мая

Ночью Мокроусов издал приказ. Перед партизанами Крыма поставлен ряд боевых задач. Отряды первого района должны взорвать три моста северо-восточнее Безбалана на шоссе на дороге Симферополь — Феодосия, устроить на ней завалы и минировать ее. Второму партизанскому району приказано взорвать мосты восточнее Карасубазара, а также западнее Зуи и на Бештереке, взорвать все мосты на дорогах Симферополь — Алушта и Ускут — Карасубазар, устроить завалы и установить мины. Партизанам третьего и четвертого районов — разрушить железнодорожное полотно Бахчисарай — Симферополь, взорвать мост через Альму; обеспечить комбинированные завалы и минирование дорог в районе Байдарских ворот.

Из леса на Большую землю уже вывезено самолетами 44 тяжело раненных товарища, отправлена семья погибшего командира Джанкойского партизанского отряда Ивана Павловича Рюмшина.

10 мая

Случилось то, чего мы больше всего опасались. Позавчера на рассвете противник перешел в наступление на керченском направлении. Наш фронт прорван, войска отходят к Керчи.

Вот уже третьи сутки нет радиосвязи со штабом фронта, вторую ночь не прилетают наши самолеты. А у нас имеются ценные данные. Разведчики донесли: полевой штаб Манштейна в настоящее время находится в совхозе «Тамак» Сейтлерского района. Установлено, что гитлеровцы снимают часть войск под Севастополем и на машинах перебрасывают их по южнобережной дороге Балаклава — Ялта — Алушта — Судак — Феодосия.

12 мая

Добраться по шоссе из Симферополя в Феодосию можно только мимо деревни Топлы, расположенной у самой

дороги. И не случайно именно здесь разместился несколько дней назад штаб немецкой пехотной дивизии.

Узнав об этом, мы и решили нанести очередной удар на Топлы. Тщательно готовилась к операции группа партизан Кировского отряда под командованием товарища Меркулова. Двое суток наши товарищи наблюдали за объектами для атаки. Выяснилось, что штаб дивизии размещен в помещении библиотеки и частично в основном здании опытной станции. В школе оборудована столовая. Эти детали и определили окончательный план операции.

Недалеко от штаба немецкой дивизии появилась группа молодежи. Заиграла гармошка. Парни и девушки пошли плясать. Неожиданно раздались выстрелы. Партизан Семикин меткой пулей снял часового у библиотеки. Достигли цели и пули других бойцов. Бахтин и Бочкарев швырнули гранаты в окна столовой, где господа офицеры сидели за обеденным столом...

Эту дерзкую вылазку блестяще осуществили молодые партизаны, хотя многие из них впервые в жизни держали в руках винтовку. Стычка в Топлах явилась хорошим экзаменом и для политрука группы Евгения Степановича Мовродиева, в прошлом секретаря Кировского райкома комсомола. Мартынов собирается назначить Женю Мовродиева комиссаром отряда. Так растут и закаляются в борьбе наши кадры.

14 мая

Пришел связной от Павла. Ему удалось создать группы советских патриотов в деревнях Пролом, Васильевка, Манай, Аблещ, Ново-Царицыно. Вскоре подпольная группа будет работать в поселке Ички. А там, где дело налажено, есть уже результаты. 12 мая в Аблеще советские патриоты подожгли нефтяной склад на мельнице, которая молола зерно для вражеских войск. В деревне Сорона убит предатель-полицейский. Ведется широкая агитация среди населения против вербовки рабочей силы для Германии...

Мы очень обрадовались успехам Чумасова (Павла). Он сообщил также, что в связи с наступлением оккупантов на керченском направлении подняли голову антисоветские элементы. Особое усердие проявляет районный староста в Ичках. Оценив его услуги, оккупанты выдвинули двух полицейских для охраны своего холоуя.

Письмо Чумасова заканчивалось словами: *В последние дни немецко-фашистское командование официально разрешило солдатам и офицерам отправлять продуктовые и прочие посылки. Начался массовый грабёж населения. Гитлеровские молодчики забирают у жителей все, что попадает на глаза. Дело доходит до того, что арестовывают ни в чем не повинных людей только для того, чтобы забрать у них вещи и продукты.*

Вечером Мокроусов, Мартынов и я слушали фашистские радиопередачи. Все радиостанции трубят о «победах» на керченском направлении. Только мельком проскользнуло сообщение: *12 мая советские войска начали большое наступление под Харьковом.*

От Харькова до Крыма не далеко, но успехи войск под Харьковом, безусловно, отзовутся и у нас.

15 мая

Подпольщики и разведчики еще несколько дней назад сообщили, что противник готовится взять нас в клещи и уничтожить. Со всех направлений к лесу подтягиваются вражеские части. Ими заняты предлесные деревни Арпат, Ени-Сала, Сартана, Кокташ, Шелен.

Наступление гитлеровцев началось вчера утром. Около пятисот солдат стали приближаться к высоте, где расположился Ичкинско-Колайский отряд. Бой шел до вечера. С наступлением темноты ичкинцы вырвались из окружения и, взяв с собой раненых и больных, ушли через Караби-яйлу в Зуйские леса. Для прикрытия отхода Чуб оставил группу партизан.

Чтобы успешно маневрировать силами всех отрядов, Мокроусов приказал перейти всем в Зуйские леса. Двигались всю ночь и на рассвете благополучно пересекли шоссе на дорогу Карасубазар — Ускут. Большие участки раскинувшейся перед нами Караби-яйлы были усеяны вражескими трупами. Среди них мы обнаружили тела партизан ичкинского отряда Анатолия Николаевича Караджиева и Миля Ефимовича Бубиса. В нескольких метрах от них лежал бывший бригадир колхоза «Новый мир» Григорий Герасимович Левшук. Перед каждым валялась куча расстрелянных гильз. Партизаны с честью выполнили долг перед Родиной и товарищами, отход которых прикрывали.

На дневку остановились в густом буковом лесу. Однако, несмотря на усталость, никто не уснул: всех мучает голод. Хлеба мы не видим давно, шестые сутки сидим без сухарей. Кончились все запасы круп, нет ни грамма мяса.

Люди настолько ослабели, что передвигаются с большим трудом. Если в ближайшие дни не получим продовольствие с Большой земли, положение станет катастрофическим. А достать что-либо на месте почти невозможно. Три дня назад это попытались сделать Анатолий Непомнящий, Петр Крамаренко и Михаил Зубков. Зашли в деревню Армотлук. Местные жители хорошо приняли партизан: накормили, дали продуктов с собой. С полными вещмешками ребята тронулись в обратный путь. У выхода из села они наткнулись на гитлеровцев. Непомнящему и Крамаренко удалось уйти от погони. Они даже притащили несколько килограммов продуктов. А Мишу Зубкова схватили оккупанты. Кому нужна пища, добытая такой дорогой ценой!

17 мая

Под натиском превосходящих сил противника советские войска на Керченском полуострове отошли на новые рубежи.

Вернулись наши разведчики из Симферополя. Теперь, чтобы попасть в город, приходится делать крюк в 40—45 километров. Повсюду установлены вражеские заставы, они тщательно охраняют все входы в лес и выходы из него.

Павел Помазан рассказал, что Симферополь загажен оккупантами. Население живет в вечном страхе. Фашистский террор свирепствует с прежней силой. Нет дома, семьи, где бы не было слез, горя и страданий.

Перелистывая пачку фашистских газет, переданных подпольщиками, я наткнулся на такое объявление: *За антигерманские убеждения и за клевету на германскую армию 30 апреля 1942 года был расстрелян гражданин Николай Грошинин, проживающий в г. Симферополе по улице Кима, № 31. Ортскомендант.* Раньше гитлеровские разбойники расправлялись с советскими людьми тайно. Теперь не стесняются вслух говорить о своих кровавых делах. Решили, видимо, нагнать страху на мирных жителей.

20 мая

Всю прошлую ночь мы шли по Караби-яйле и ужасно устали. На рассвете достигли «ямины». Здесь и наметили создать новый лагерь. Место для обороны тут прекрасное. Между речками Гнилушкой и Суатом вытянулся вроде бы небольшой полуостров. На плоскогорье, покрытом невысокими деревьями, россыпи остроконечных камней, масса воронок, напоминающих лунные кратеры. Даже просто ходить здесь невозможно, а наступать на засевших в укрытиях партизан — немислимо.

Вскоре представилась возможность убедиться в этом. Едва мы расположились на отдых, со стороны Шумхая появились оккупанты. Зуяне и биюкчане вместе с ичкиндами по тревоге заняли оборону и открыли огонь. Не прошло и часа, как противник поспешно ретировался.

После боя к нам в штаб пришли представители Зуйского отряда. Они доставили продукты и доложили обстановку. Принесли также написанные от руки листовки, которые распространяются среди населения и советских военнопленных.

22 мая

Все эти дни ведется разведка, не прекращаются боевые вылазки. Отряды снова оседлали дороги Симферополь — Феодосия и Симферополь — Алушта.

На рассвете группа партизан Карасубазарского отряда в составе Лени Овчаренко, Гриши Киреева и Мефодия Цимбаленко под командой Ивана Березняка напала на вражеский транспорт, двигавшийся из Феодосии на Симферополь. Подорваны 3 машины, уничтожено 12 солдат. В кабине одной из машин обнаружен труп офицера из штаба 22-й пехотной немецкой дивизии. При нем оказались весьма важные документы. Мы направили их в штаб фронта.

Как только стало известно, что Манштейн начал переводить свои войска из-под Керчи в район Севастополя, Мокроусов приказал всем партизанским отрядам от Старого Крыма до Бахчисарая и от Судака до Балаклавы оседлать основные дороги и всемерно препятствовать переброске войск противника.

Во второй половине дня мы разошлись по отрядам, чтобы проверить их готовность к выполнению новых за-

дач. Мокроусов пошел к зуянам, Мартынов — к биюкчанам, а я — к ичкиндам.

У моих подопечных все оказалось в полном порядке. Чуб уже отдал соответствующий приказ. Все группы получили задания и ждали только команды на выход.

В группу Коновалова я попал в самый разгар спора между командиром группы и политруком Гусевым.

Утром, возвращаясь из разведки, партизаны подобрали сброшенные противником листовки. Часть их была напечатана на тонкой газетной бумаге, часть — на толстой. Сдавая свои «трофеи» политруку, бойцы попросили оставить им на курево листовки, отпечатанные на тонкой бумаге. Гусев настаивал, чтобы все листовки были уничтожены, а Коновалов поддержал просьбу партизан. Тут и разыгрались страсти.

Вопрос был поднят немаловажный. Курильщики уже не первый месяц мучаются без бумаги. Но политрук Гусев был абсолютно прав. И все же я не мог не учитывать условий, в которых находились наши партизаны. Они давно не видели хлеба, мяса, соли. В такой ситуации и козья ножка тоже делала политику. Прикинул я все это и взял, как говорится, грех на душу: разрешил часть листовок пустить на раскур...

Поздно вечером все мы сошлись в штабном шалаше. Мокроусов и Мартынов также остались довольны посещением отрядов.

25 мая

Давно не был в Зуйском отряде. Сегодня Николай Дмитриевич Луговой прислал записку, и я с удовольствием отправился к нему. Прежде всего меня познакомили с новичками — пришедшими в отряд местными жителями. Потом пригласили к обеду. Подали зеленый борщ из щавеля и жареную баранину.

— Откуда баранина? — удивленно спросил я.

— Воспользовались вашим же советом, — улыбаясь, ответил Луговой. — Сегодня «случайно» обнаружили бочку. Жаль, что мало... Очень жаль...

Мне тут же вспомнился разговор с Луговым в сентябре прошлого года, когда я посоветовал резать овец, жарить мясо, закладывать его в кадушки, заливать жиром и в таком виде закапывать в землю. Вот сегодня ме-

ня и угостили каурмой. Никогда не скажешь, что она приготовлена восемь месяцев назад.

Вечером состоялся концерт художественной самодеятельности Зуйского, Биюкского и Сейтлерского отрядов. Выступали и молодежь и пожилые партизаны.

Большое впечатление осталось у меня от этого концерта в лесу, в окружении вражеских войск.

28 мая

В последнее время противник все чаще стал засылать в лес небольшие группы из 30—40 солдат: так легче проникнуть в наше расположение. Мы сразу поняли это и приняли необходимые меры.

Сегодня утром одна группа оккупантов появилась со стороны Улу-Узения, другая — со стороны Ангары. С первой быстро разделалась застава Ичкинского отряда. Вторая, отстрелявшись, быстро ушла обратно.

Под вечер пришел связной от Павла.

Ряды подпольщиков растут, — шипит он. — Активизируются и наши действия. В воскресенье была обстреляна легковая машина, которая шла из Грамматиково в Карасубазар. Шофер убит, мотор испорчен, два пассажира, гестаповцы, тяжело ранены. Плохо одно — нет у нас оружия. Прошу прислать хотя бы пистолеты.

Мне стало известно, что в селах и деревнях стихийно возникают подпольные антифашистские группы. К руководству ими иногда приходят люди, которые не имеют опыта и нарушают элементарные правила конспирации, в результате провалы, и люди гибнут без всякой пользы для дела. Как можно больше направляйте мне опытных товарищей для руководства группами советских патриотов.

Мы регулярно следим за работой железной дороги. За последние дни из Керчи непрерывно идут эшелоны с живой силой и техникой противника. Маршрут — Севастополь. Передайте куда следует.

Крепко обнимаю. Павел.

31 мая

Днем и ночью перебрасывает противник свои дивизии из-под Керчи в район Севастополя. Часть войск вы-

делена для охраны коммуникаций. Они заняли все подлесные деревни и деревни, расположенные вдоль шоссе Симферополь — Феодосия.

Вчера вечером был Городовиков. Он заболел и попросил Мокроусова отправить его на Большую землю. На место Басана Бадминовича назначен Михаил Ильич Чуб. Командиром Ичкинского отряда стал капитан Иван Иванович Юрьев.

Я долго беседовал с Чубом. Чувствовалось, Михаил Ильич очень неохотно расстается со своим отрядом и с дорогими для него людьми. Здесь он знает каждого бойца, облазил каждую тропку в округе, где действуют его партизаны. В первом районе придется все начинать сначала. Но я уверен, Чуб справится с порученным делом, тем более, что Мокроусов обещает помочь и людьми и боеприпасами.

Сегодня мы потеряли чудесного товарища, смелого бойца, бесстрашного проводника связанного Ивана Яковлевича Егорова. И как нелепо потеряли!

Полицай ближайших деревень хорошо знали, что партизаны испытывают большие трудности с продовольствием, и пошли на провокацию: приволокли из деревни телку, выгнали ее пастись недалеко от лесочка, а сами устроили засаду. Расчет у этих мерзавцев был верный. Несколько наших ребят и с ними Егоров решили добыть мяса. Кончилась эта добрая затея гибелью Егорова.